

Фейербах Людвиг. О «Сущности христианства» в связи с «Единственным и его достоянием»

Ответ Фейербаха на критику Штирнером его работы «Сущность христианства» вошел в первый том собрания сочинений Л. Фейербаха (изд. О. Виганда, Лейпциг, 1846).

Философский анализ полемики Фейербаха и Штирнера дан в работе С. Н. Булгакова «Религия человекобожия и Л. Фейербах».

Замечу, что здесь, как и в других ответах, я имею в виду и защищаю мое сочинение не оттого, что оно мое сочинение. Я в высшей степени критически отношусь к нему: для меня важен лишь сам предмет — сущность и дух его. С мертвой же буквой его предоставляю считаться «сынам Божиим или дьявола».

«Фейербах,- говорит Единственный, — дает нам только богословское освобождение от теологии и религии; он уничтожает лишь Бога, субъект, но оставляет неприкосновенным божественное, предикаты Бога». Разумеется, он их оставляет, но он должен так поступить, в противном случае он не мог бы оставить неприкосновенными ни природу, ни человека: ибо Бог есть существо, составленное из всех форм действительности, то есть из свойств (предикатов) природы и человечества; Бог есть свет, жизнь, сила, красота, сущность, разум, сознание, любовь — словом, все. Стало быть, что же останется вообще, если даже предикаты Бога перестанут существовать? «Но к чему существовать вообще, что должно остаться, и зачем?» — спрашивает Штирнер.— Вот это именно и есть доказательство религиозности, «связанности» Фейербаха, он подчинен еще «предмету», он еще хочет нечто, нечто любит — признак того, что он еще не поднялся на высоту абсолютного идеализма «эгоизма». «Ничто — вот на чем я построил свое дело», — поет Единственный. Но разве Ничто не есть, в свою очередь, предикат Бога, подобно тому, как изречение: Бог есть ничто — есть продукт религиозного сознания? В таком случае «эгоист» все же построил свое дело на Боге! Значит, и он, он также, принадлежит к «благочестивым эгоистам»!

***

Все сводится лишь к тому, как допускает Фейербах неприкосновенность предикатов. Остаются ли они у него предикатами Бога? Нет, они — предикаты природы и человечества: (свойства природы и человечества. Как только они переносятся с Бога на человека, они теряют характер божественности, приписываемый им при отчуждении от человека - в абстракции, в фантазии; благодаря этому перенесению из мистической тьмы религиозного настроения на дневной свет человеческого сознания, они становятся «мирскими», «обыденными», «низменными». На чем покоится сила земного величия? Исключительно на силе того взгляда, того ложного представления, что личность величества совсем особенное существо. Если же я поставлю личность или субъект величества на одну доску с собой — в мыслях или, еще лучше, в чувственном созерцании, — если я постигну, что она — такой же человек, как и я, как всякий другой человек, то и величество его рассыплется для меня в пух и прах. То же самое и с небесным величеством.

Только в качестве субъекта Бог есть status quo всех религиозных предикатов; эти предикаты становятся не моими, стоящими выше меня, то есть выше человека, гиперболическими, неестественными предикатами,— только в качестве предикатов высшего, то есть превознесенного существа. Кто же уничтожает субъекта, тем самым устраняет и предикаты (конечно, теологические предикаты), ибо субъект ведь не что иное, как предикат, мыслимый и представляемый в виде субъекта.

***

«Ведь сам же Фейербах говорит, что он хочет лишь. уничтожить иллюзию». Да. Но если только эта иллюзия будет уничтожена, рухнут все остальные иллюзии, все предрассудки, все неестественные преграды, и неважно, если это произойдет не сразу, ибо основная иллюзия, основной предрассудок, основная преграда — это Бог как субъект. Но кто затрачивает все свое время и все свои силы на уничтожение основной иллюзии, тот, само собой разумеется, уничтожает и производные иллюзии и грани.

***

Что должно означать: «Человек есть Бог человека»? Значит ли это: он — Бог, в смысле отличного от человека, выше его стоящего существа, словом, в том смысле, в каком он существует для религии, для теологии и спекулятивной философии? Фейербах показывает как раз обратное: что религия себя самое не понимает, но что спекулятивная философия и теология понимают ее ложно; он показывает, что вера в Бога — действительная, разумеется, а не в воображении и измышлении верующего,— есть только вера человека в себя самого, следовательно, он показывает, что божественное не есть божественное, Бог не есть Бог; что это — в высшей степени любящая себя, себя самое утверждающая и признающая сущность человека, ибо человек признает только такого Бога, который признает человека, и именно так, например, как признает себя сам человек. Пусть я не признаю свою плоть, отделию ее от себя, буду считать плотские потребности и вожделения препятствием, противоречием во мне, словом, если я отвергну плоть, то я стремлюсь от нее

освободиться и прославляю бесплотную сущность как истинную, блаженную, чудную, высшую, то есть божественную сущность. Мой Бог есть то, чего у меня нет, но чего я жажду, чем я стремлюсь стать.

Вот почему Фейербах и говорит: Бог есть не что иное как удовлетворяющая желания, потребности — все равно какого порядка — человека сущность.

Следовательно, если ты излечишь больного или даже «одержимого *idée fixe*», накормишь голодного, то ты станешь для него, выражаясь прозаически,— благодетелем, поэтически же,— Богом, ибо все, что приносит человеку радость или благо, Фейербах обозначает словом «Бог». Тезис «человек есть Бог, высшая сущность человека» равносителен тезису «это Бог не Бог, не высшая сущность » в богословском смысле. Но это последнее положение только атеистическое, то есть отрицательное выражение, первое же — практическое и религиозное, то есть положительное.

«Теологическая точка зрения» Фейербаха состоит в том, что он «расчленил наше «я» на существенное и несущественное и считает род, человека как такового, абстракцию, идею нашей истинной сущностью, противопоставляя ее действительному индивидуальному «я», как несущественному». «Единственный»! Прочитал ли ты всю «Сущность христианства» до конца? Не может быть, ибо — в чем заключается тема, ядро этого сочинения? Единственно и исключительно в устранении раздвоения на существенное и несущественное «я» — в обожествлении, то есть признании всего человека с головы до ног. Разве не провозглашается как раз в конце книги божественность индивида как решение тайны религии? Разве не говорится в ней даже, что, «когда мы едим и пьем, то и это божественный акт»? А разве еда и питье — проявление идеи, абстракции?

Единственное сочинение, в котором любимый термин новейшей эпохи, личность, индивидуальность, перестал быть бессмысленным словом, это именно и есть «Сущность христианства», ибо лишь отрицание Бога (абстрактной, нечеловеческой сущности) есть установление индивида, и лишь чувственность есть настоящий смысл индивидуальности. В том-то и существенное отличие этого сочинения Фейербаха от всех его прежних сочинений, что лишь в нем чувственность получила свое истинное значение, лишь в нем абсолютная сущность понимается как чувственная сущность, чувственная сущность — как абсолютная сущность. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, например, значение чуда в книге Бейля [96] и в «Сущности христианства». И в той, и другой доказывается несообразность чуда в теологическом смысле, но в то время как у Бейля показано его противоречие божественной сущности, здесь объясняется его совместимость с этой последней, ибо там Бог был еще абстрактной, отличной от человека сущностью — разумом, здесь же он понимается как самое себя удовлетворяющая в своей цельности и полноте сущность человека, и истинное значение чуда определено как акт — разумеется, лишь сверхприродный и как таковой неразумный — удовлетворения чувственного желания или потребности человека.

***

Фейербах поставил себе задачей показать человеческое происхождение в человеке Бога или религии и анализировать их теоретически и практически. Но религия представляет себе собственную сущность человека или отделенную от человека сущность его в виде вне-и-сверхчеловеческой сущности. Поэтому Фейербаху пришлось свести это расчленение на Бога и человека к различиям, имеющим место в самом человеке: разве возможно было бы объяснить религию, если бы не имели места в человеке различия между «я» или самосознанием и сущностью или природой? Ему пришлось, таким образом, взять за отправной пункт своей темы те психологические состояния, которые и заставили человека отделить свою сущность, свои свойства от самого себя и поставить их выше себя, как божественную силу, пришлось взять еще состояния экзальтации, страсти, погружения в созерцание. Следовательно, добросовестный критик должен обратить внимание на то, что введение к «Сущности христианства», в особенности в тех местах, где упоминаются силы «в человеке, стоящие над ним», не есть введение к философскому исследованию об отношении предикатов человека к его субъекту или сущности человека к его «я», а есть введение к сущности христианства, то есть к сущности религии.

Но имеет ли смысл упрекать увертюру к «Волшебной флейте» в том, что она в то же время не есть увертюра к «Дон Жуану»?

***

Для Фейербаха индивид есть абсолютная, то есть истинная, действительная сущность. Но почему он говорит: этот, исключительный индивид? Потому, что он сам не знал бы тогда, чего хочет, и возвратился бы к той точке зрения, которую он отрицает,— к точке зрения религии. Ведь сущность религии как раз и состоит — по крайней мере в этом отношении — в том, что из целого класса или рода она выбирает одного единственного индивида и противопоставляет его, святого, неприкосновенного, всем прочим индивидам. Этот человек, этот «единственный», «несравненный», есть Бог — только он и исключительно он,— только этот дуб, это место, этот луг, этот бык, этот день священный — все же прочие не-священные. Вот почему уничтожить религию значит доказать тождественность ее освященного предмета или индивида другим, простым индивидам того же рода. Это доказательство было уже дано нашим предкам святым Бонифацием, срубившим священное дерево у Гейсморы.

В таком случае и ты можешь уничтожить точку зрения христианства, сущность которого исчерпывается следующим положением: Я, этот исключительный несравненный индивид, есть — если и не теперь, то во всяком случае в силу небесного предначертания стану им — Бог; при этом безразлично, каким является понятие о Боге: абстрактным как совершенная нравственная сущность или мистическим — как фантастически чувственное; ты можешь уничтожить эту точку зрения христианства только перенесением этого несравненного индивида из голубого фимиама его сверхприродного эгоизма в обыденное чувственное созерцание, осуществляющее для тебя его индивидуальные различия, но в то же время совершенно неоспорима и ясна его идентичность другим индивидам, его обыденность. Воздай единичному индивиду то, что ему надлежит,— но не больше. Только <таким образом ты освободишься от оков христианства. Быть индивидом значит, конечно, быть «эгоистом»,

но в то же время *polens-volens* это значит и быть коммунистом. Принимай вещи такими, какими они существуют в действительности, то есть поступай точно так же и с самим собой, ибо как ты понимаешь вещи, так понимаешь ты и самого себя - и наоборот. Выкинь из головы «Единственного» на небе, но выкинь также «Единственного» на земле!

***

Следуй своим чувствам! Где начинается чувство, там прекращается религия, прекращается философия, но зато перед тобой безыскусная, голая правда. Вот перед твоими глазами стоит красавица-женщина; восхищенный, ты воскликнешь: как она несравненно хороша! Но глянь-ка — тут же стоит и мужская красота. Не придется ли тебе поневоле сравнить их друг с другом? А если ты этого не сделаешь и будешь настаивать на невозможности сравнения, то разве оба рода красоты не сравнят себя сами друг с другом, разве они не будут изумляться своей одинаковости, несмотря на различие, своему различию, несмотря на одинаковость? И не воскликнут ли они произвольно: ты есть то же, «что» и я, и не опровергнут ли они наконец во имя человека свою разъединенность взаимным слиянием? «Я люблю лишь эту, Единственную», - говорит Единственный; но я тоже, хотя я общественный человек. Но разве эта единственная женщина, любимая тобой, — безьяна, ослица или собака? Разве она не человеческая женщина? «Я нечто большее, нежели человек», — говорит «единственный». Но больше ли ты, чем мужчина? И разве ты в состоянии отделить мужское в тебе от того, что называют «дух»? Разве твой мозг не определен, как мозг мужчины? Разве твои мысли, твои чувства не мужские? Или ты животное-самец, пес, обезьяна, конь? Итак, чем же быть твоему «единственному, несравнимому», и, следовательно, бесполому «я», как не остатком старого христианского сверхнатурализма?

***

Следуй своим чувствам! Ты — мужчина, то «я», которое ты обособляешь в мыслях от своей чувственной, мужской сущности, есть продукт отвлеченного мышления, столь же далекий от реальности, как платоновские столы от действительных столов. Но, будучи мужчиной, ты существенно и необходимо имеешь отношение к другому «я», к другой сущности — к женщине. Поэтому, если я хочу признать тебя, индивида, то я не должен ограничить мое признание только тобой, но должен его в то же время распространить и на твою женщину. Признание индивида обязательно влечет за собой признание по крайней мере двух индивидов. Но «два» не имеет ни смысла, ни конца: за двумя следуют три, за женщиной — ребенок. Но единственный ли, несравненный ребенок?

Нет! Любовь безудержно влечет тебя дальше, за пределы этого одного ребенка. Уже при одном только взгляде на ребенка становится так хорошо, так чудно, что в тебе непреодолимо вызывается потребность иметь нескольких ему подобных.

Вообще одного ребенка хочет лишь эгоизм, многих - любовь. Разумеется, при множестве детей любовь лишает первенца божественного и монотеистического ранга и титула, единственности и несравнимости, но не была бы любовь, желающая ограничиться лишь

одним единственным, отсутствием любви по отношению ко всем прочим возможным детям? Более того — отсутствием любви по отношению к этому единственному ребенку, который ведь сам скоро пресытился бы своей изолированностью, единственностью и тосковал бы по братишке или сестренке?

Как же можешь ты упрекать писателя в том, что он не признает индивида, если он его признает так, как требует этого любовь? Как можно его обвинять в абстрактности, если он, взяв за образец любовь, выражающую высшее и глубочайшее признание индивида, не останавливается на этом одном, единственном и несравненном индивиде, а распространяет свои мысли и желания на весь род, на всех других индивидов? А у Фейербаха род означает не абстракцию, а в противоположность единичному, самому себя утверждающему «я», — другое «я», «ты», вообще всех, помимо «меня» существующих индивидов.

Поэтому, если у Фейербаха говорится: индивид ограничен, род же безграничен, то это означает лишь следующее: рамки этого индивидуума не являются рамками для других, и то, что не в силах сделать современный человек, не значит еще, что этого не сумеет сделать будущий человек.

***

Понятие о роде в этом смысле необходимо, неотъемлемо для каждого единичного индивида, а каждая личность — отдельная, единичная. «Мы слишком совершенны», — истинно и красиво говорит Единственный; но все же мы чувствуем себя ограниченными и несовершенными, ибо мы необходимо (так как мы ведь мыслящие существа) сравниваем себя не только с другими существами, но и с самими собой, — мы делаем это, проводя параллель между тем, чем мы стали, и тем, чем мы могли бы быть и при других условиях, возможно, действительно бы и стали. Но мы чувствуем себя ограниченными не только нравственно, нет, но и чувственно, пространственно и временно; мы, эти, данные индивиды, существуем лишь в этом, определенном месте, в этом, ограниченном времени. Так как же нам освободиться от этого чувства ограниченности, если не при помощи мысли о неограниченности рода, то есть мысли о других людях, в других обстоятельствах и в другой, более счастливой, эпохе? Поэтому тот, кто не ставит на место божества род, тот оставляет в личности пустое место, которое обязательно должно будет заполниться вновь представлением о Боге, то есть представлением об олицетворении сущности рода. Только род в состоянии одновременно схоронить и заменить божество, религию.

Не иметь религии — это значит: думать только о себе самом, иметь ее, — значит думать о других. И только такая религия долговечна, по крайней мере до тех пор, пока на земле не останется лишь один «единственный» человек; ибо пусть только нас будет двое, мужчина и женщина, — и мы имеем уже религию. Двое: различие — вот в чем источник происхождения религии; «ты» — Бог для «я», ибо «я» без «ты» — ничто; «я» зависит от «ты»; без «ты» — нет и «я».

***

Мужчина — Провидение женщины, женщина — Провидение мужчины, совершающий благодеяние — Провидение страждущего, врач — Провидение больного, отец — Провидение ребенка. Подающий помощь должен представлять собой нечто большее и иметь больше — по крайней мере в том отношении, в каком проявляется его помощь, — чем нуждающийся в помощи. Тот, кто сам терпит нужду, разве может он помочь нуждающемуся? Нет! Тот, кто хочет вытянуть меня из болота, сам должен стоять над болотом, стоять «выше меня».

Но что это за выше меня стоящее существо? Отличное ли оно от меня, чуждое мне существо? Разве, наоборот, оно мне не столь же близко, как мое собственное сердце, мои собственные глаза, моя собственная рука? Разве оно не мое «другое» «я» в самом строгом смысле этого слова? Оно ведь поступает так, как я сам хотел бы поступить, — так, как я, будучи свободным, здоровым, самостоятельным, действительно поступаю, но теперь не могу поступить. Если я — калека, то руки и ноги другого заменяют мне органы движения; если я слеп, то его глаза служат мне путеводителем; если я — ребенок, то моя воля и разум — воля и разум отца, ибо, будучи ребенком, я без знания и без воли, против них, против самого себя. Значит, Бог человека есть человек. А тогда благодаря этому человеческому Богу ты не нуждаешься уже в не-и внечеловеческом Боге.

***

Что означает это выражение: «Осуществлять род»? Это значит — осуществить то, что заложено в человеческой природе, осуществить ее назначение.

Гусеница есть насекомое, но еще не полное; рассматривая ее как таковую, мы скажем, что она законченна, она — то, чем должна была и могла быть; но, несмотря на это, на ее вполне удовлетворяющий ее эгоизм, в ней есть еще нечто, нечто «в ней над ней», что должно и может стать — бабочка. Лишь бабочка — законченное, вполне осуществленное насекомое. Подобные метаморфозы встречаем мы и в жизни человечества, из жизни отдельных людей. Поэтому, если человек переходит из детского возраста в юношеский, из школы — в жизнь, из рабского состояния — в свободу, из равнодушия к полу — к любви, то невольно восклицает он при этих и подобных переходах: «Только теперь стал я человеком!» — ибо только теперь стал он законченным человеком, только теперь удовлетворил он неведомое до сих пор или насильственно подавляемое влечение своей натуры.

***

Столь же необходимо, как различие между «я» и «ты», между индивидом и родом, столь же необходимо и различие в самом индивиде между необходимым и случайным, индивидуальным в смысле случайного, между существенным и несущественным, близким и отдаленным, высшим и низшим. Следуй своим чувствам. То, «что выше в пространственном отношении и качественно наивысшее в человеке, самое близкое ему, не отличимое от него самого, — это — его голова. Когда я вижу голову человека, то я вижу его самого; когда же я вижу только его туловище, то я не вижу ничего, кроме этого туловища. Если я потеряю руки и ноги, то я, конечно, несовершенный, несчастный человек, с изъянами, но все же я могу как

человек существовать и без них; но если я лишусь головы, то перестану существовать. Следовательно, есть одно существенное различие между моим и моим: то «мое», что может быть устранено, не разрушая меня, и то, что не может быть устранено, не разрушая этим меня, — образует различие, уничтожить которое можно, только «потеряв голову».

Поэтому, если «Единственный» упрекает Фейербаха в том, что он одновременно с теологическим, сверхприродным «выше» не уничтожил и органически созданное «выше» и «ниже» в человеке, то он констатирует этим лишь тот факт, что Фейербах не потерял головы из огорчения от незаменимой потери теологии, подобно «Единственному» и другим.

***

Когда я ограничиваю свои расходы и сдерживаю себя в своих желаниях для того, чтобы иметь, чем жить, то разве Провидение «надо мною», сегодняшним эгоистом, который пожелал бы все взять сегодня же, ничего не оставив другому, завтрашнему «я», — разве это Провидение — не я сам? А когда я лежу на смертном одре, то разве я не ставлю выше себя, над собой — все равно для чего: вспомнить потерянное здоровье или в надежде на выздоровление, — над собой, больным, себя же, но здорового,, ставлю так высоко, как только может стоять бессмертный Бог над смертным человеком? А разве, когда мне стыдно до ужаса за какой-нибудь злосчастный поступок, совершенный безрассудно, я не стою тогда над собой как критик, как судья, над собой — повинным, «жалким грешником?» И когда я создаю какое-нибудь творение, то я употребляю все находящиеся в моем распоряжении силы не оттого ли, что это творение — мое завещание, что я оставляю все, на что я способен, моим потомкам, всему миру, что я нахожусь здесь на конечной ступени моего развития, моей производительной силы? Но когда я закончил свое творение, разве я уже не ушел дальше себя, создателя этого творения, недавно уже бывшего наивысшим во мне, моим *pop plus ultra** (До последней степени, дальше некуда (лат.) — Ред.), — разве он уже не позади, ниже меня? Быть может, — я гляжу уже с пренебрежением на творение и его создателя?

Так происходят внутри самого индивида непрерывные изменения, и то низшее становится высшим, то высшее — низшим! Если я голоден, то для меня нет ничего выше наслаждения от еды, после еды нет ничего выше отдыха, после отдыха — ничего выше движения или деятельности, после этой последней ничего выше времяпрепровождения с друзьями и, наконец, после завершеного дня и его дел, прославляю я сон, брата смерти как высшее, благодетельнейшее существо. Итак, в каждый момент своей жизни над человеком стоит нечто — заметьте, — нечто человеческое, выше его, над ним. Только тогда, когда прекращается его бытие, или, что одно и то же, когда он теряет свое сознание, — только тогда прекращает он ставить что-либо выше себя. То, что еще покоится во мне, я ставлю выше себя, то, чего я уже лишился, я ставлю ниже себя; в каждый данный момент во мне находится еще неисчерпанная, незатраченная жизненная и творческая сила; пройденный же путь — это уже затраченная, выявленная сила. Но то, что я еще могу сделать, чем я могу стать, то стоит, как еще не достигнутое, обязательно выше того, чем я уже был и что делал — оттого люди и хотят всегда быть и иметь больше, чем они были и что имели. Даже новые приходящие во время работы и вызванные ею мысли до тех пор парят, как облака на небе,

надо мною, пока они не спустятся и лягут подо мною, под моими глазами в виде капель жидкости.

«Фейербах бежит от веры к любви». О, как это неверно! Фейербах уходит твердыми, решительными шагами из царства спекулятивного и религиозного сна в страну действительности, из абстрактного существа человека в его действительную цельную сущность, а любовь, только любовь, не может исчерпать всей сущности человека. Кроме любви, нужно еще иметь и рассудок: безрассудная любовь не отличается в своем действии и деяниях от ненависти, ибо она не знает, что полезно и что вредно, что целесообразно и что бесцельно. Но почему же на первый план Фейербах выставляет любовь? Потому, что нет иного практического и органического, самым предметом данным перехода из царства Божия в царство человека, кроме любви, ибо любовь есть практический атеизм, отрицание Бога всем сердцем, умом, действием. Христианство называет себя религией любви, но это неверно: оно — религия сверхприродного, духовного эгоизма, как иудейство — религия светского, земного эгоизма. Фейербаху пришлось поймать христианство на слове, то есть сделать слово — делом, иллюзию — существом.

***

Берет ли Фейербах любовь в противоречащем действительной любви, фантастическом, сверхприродном смысле — так, чтобы она исключала всякое себялюбие? Нет! «Ни одно существо,— говорит он, например,— не может отрицать себя самое». «Быть - значит любить себя». «Облегчая горе другого, я одновременно облегчаю свое собственное горе; чувствовать горе другого — это — самому иметь горе» и т. д. Поэтому всякая любовь эгоистична, ибо не могу ведь я любить то, что мне не по душе, я могу любить лишь то, что меня удовлетворяет, что делает меня счастливым; то есть что бы я ни любил, я одновременно люблю и самого себя. Однако существует вполне основательное различие между тем, что называют своекорыстной, и тем, что называют бескорыстной любовью. Что это за различие? В коротких словах вот оно: при своекорыстной любви объект твой - гетера для тебя, при бескорыстной - возлюбленная. И там, и здесь я удовлетворяю себя, но в первом случае подчиняю сущность части, во втором — часть, средство, орган — подчиняю целому, сущности, в первом я удовлетворяю в силу этого только часть себя, во втором — себя самого, свою полную, цельную сущность. Словом, при своекорыстной любви я жертвую высшим ради низшего, следовательно, высшее чувство — низшему, в бескорыстной любви я жертвую низшим ради высшего.

«Фейербах превращает религию в этику, а этику в религию». Да, в противоположность христианству, где ЗтНКа как отношение людей друг к другу занимала, по сравнению с отношением людей к Богу, лишь второстепенное место. Но Фейербах ставит человека выше морали: «Устанавливая Бога как грех разрешающее Существо, мы устанавливаем его, правда, не как неморальное, но все же как большее, чем только моральное, то есть как человеческое существо». Эти слова и образуют переход сущности нравственного закона к собственной сущности христианства, то есть к сущности человека, которая сама по себе столь же мало моральна, как неморальна. Следовательно, не мораль берет Фейербах за

масштаб человека, а, наоборот, человека за масштаб морали: добро — все то, что удовлетворяет человека; зло — все то, что ему не по душе. Стало быть, этические отношения ни в коем случае не святы для него «сами по себе», а святы ради человека, поскольку они являются отношениями человека к себе подобному, то есть поскольку они — самоутверждение, самоудовлетворение. Конечно, таким образом Фейербах превращает этику в религию, но не как таковую, *in abstracto*, не как цель, а как следствие, не оттого, что для него нравственная сущность, то есть сущность нравственности есть религиозная, то есть высшая сущность как для «просвещенного протестантизма», для рационализма, для кантианства,— а оттого, что для него действительная, чувственная, индивидуальная сущность человека является религиозной, то есть высшей сущностью.

***

«Фейербах облакает свой материализм в одежды идеализма». Но ведь это утверждение висит в воздухе! Фейербах — о «Единственный!» — ни идеалист, ни материалист: Фейербах считает Бога, дух, душу, «я» простыми отвлеченными понятиями, но точно так же и тело, материя для него такие же простые Отвлеченные понятия. Истина, сущность, действительность для него — только чувственность. Но видел ли ты, чувствовал ли ты когда-нибудь тело, материю как таковые. Ты ведь видел и чувствовал лишь эту воду, этот огонь, эти звезды, эти камни, эти деревья, этих зверей, этих людей: всегда и всюду это были только определенные чувственные индивидуальные вещи и существа, но никогда не тела, души или духи как таковые. Но еще менее того Фейербах учит идентичности в смысле абсолютной идентичности, соединяющей два отвлеченных понятия в одно третье. Итак, Фейербах не философ - ни материализма, ни идеализма, ни идентичности. Но кто же он в таком случае? Со всеми мыслями своими он то, что он есть в действительности, в духе — то, что во плоти, в сущности — то, что в чувствах: человек; или, лучше: так как Фейербах понимает сущность человека только в общежитии, то он «общественный человек» - коммунист.

Версия #3

Зверобой создал 5 апреля 2025 20:51:12

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:26:18